

Лет двадцать назад — и подряд лет двадцать до того — в великом ходу было слово «дефицит». Оно сопровождало нас днём и ночью. Не хватало всего. Не в дефиците было, пожалуй, лишь само это слово — «дефицит». Интересную книгу тоже покупали по большому знакомству. Книжные продавщицы вели себя как владычицы морские. Полки были завалены докладами ЦК КПСС. — Вы самая читающая страна, отчего же у вас не хватает хороших изданий? — вопрошали заморские глашатаи «ускорения и перестройки». — Да вот, бумаги нет... — застенчиво отвечали глашатаи наши, доморощенные. И сразу получали новый, убийственный вопрос: — У вас нет бумаги, чтобы печатать деньги? Но ускорение перешло в галоп; и вдруг вот оно, книжное изобилие! Лет десять на всех углах, лотках — голые бюсты вперемешку со сталинской трубкой. Деньги печатались взахлёб, их гребли судорожно трясущимися руками.

Ваш СЕКС
Что, где, когда и с кем

во мне непросто-го делягу и стал коварно при-сматриваться. Я разглядываю дурацкие «Сонники» в разделе «Астрология» — он рядом листает учёные статьи под названием «Терроризм: правовые аспекты борьбы» за 270 рублей и без единого понятного русского слова (вот она, замена тем докладам ЦК!).

Перехожу к портрету горячо любимого президента за 400 рубликов — этот делает вид, что изучает «Тренинг эффективного взаимодействия с детьми» в «Прокурорском надзоре».

«Либо повяжет сейчас, либо шибко умный», — думаю и шибануто перехожу в «Интимную жизнь». А там: «Секс-билдинг» (скажи, любимая, что это такое?). А тут же: «Библия секса» — ею тоже можно оглушить любого соперника, уютно залёгшего под твоим спальным диваном.

Эта чугунно-увесистая «Библия» сопровождается сноской, что она получила премию американских сексопатологов.

Сейчас это норма: патология берёт даже голливудские «Оскары».

«Стильные штучки Ксении Собчак». Вспоминаю, как недавно по радио сказали: «Ксения имеет диплом МГИМО, а

вот Сократ такого диплома не имел; значит, он её глупее».

«Любовная магия», центнерные медицинские и спортивные справочники... Всё скользко глянцевое, плакатно широкое, спесиво тяжёлое. Для чего делают книги, которые нельзя удержать в руках? Синдром неполноценности после того дефицита?

Понемногу возвращаюсь к выходу и вновь натякаюсь на сериалы, на дневные-ночные дозоры, на отражения-продления всяческой телевизионщины.

Схватил не глядя хилую брошюрку в мягком переплёте — оказалась за 41 рубль. В туристической серии «Внимание: иностранцы!». Называется «Эти странные русские». Автор, конечно, в псевдониме. Во всяком случае, фамилия не наша, хоть и говорит, что сам нашенький.

Цитата: «Последнюю войну с Германией русские всё ещё вспоминают с дрожью, но то же были другие немцы, правда?».

О какой дрожи ты хрюкаешь? Брошюру выкинул за порогом: авось, немецкий турист подберёт.

Разозлённый, ушёл в родную пивную, через квартал. И что вы думаете? Только взял пенную кружку, как глядь — на пороге тот глубокомысленный говорун, аристократ-телефонщик. Достало книжное царство и принца.

Нормальный парень, видать.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

КУРИЦА В ПОЛЁТЕ

Минуло ещё десятилетие, и мы увидели, что книжный магазин может быть благородным, щедрым, аристократическим. И той аристократии сделалось столь много, что она порой аж обратно лезет.

Ну, вот она: захожу в огромный, слоновых, то есть московских, размеров магазин. Тишина, бродят среди стеллажей умные дамочки, вождельно рассматривают обложки — глянцево, блестящие, как новая антипригарная сковорода.

Объёмистые стены, полки с указующими надписями «Сентиментальный роман», «Фэнтези». И стоит возле «Воровского романа» мужик, весь из себя аристократ, и громко буровит по мобильнику.

Минуту буровит, пять, десять. Пришёл в книжное царство, чтоб во всеуслышание поговорить. Ну так принц, что тут возразить. Выйти не додумался.

Вас возмутило моё вульгарное «буровить»? А гляньте на название хоть этой полки: «Убойно смешной сериал». Убойно — это откуда? Из того же мусорно-уличного жаргона,

что и моё словечко. А «Шекспир У» (именно так) стоит на полке «Чисто по жизни». Этот выразительный оборот частенько слышу в пивнушках (извините, грешен, захожу).

Конечно, чисто. Кинжалы, яды... Чтоб каждый неумытый тип считал себя высококордным Ягой.

Ничего, успокаиваю себя, это магазинные хозяева подыгрывают потребителю, пытаются говорить с ним на удобном ему уркаганском языке. Любишь, дэвушка, детективу? Вот тебе громадная полка с

указателем: «Детектив с клубничкой».

Почему здесь нет словечка «блин»? Я его обожаю. Лет пятнадцать назад чуть не кинулся в драку с дятлом, впервые для меня употребившим на пляже это слово. Я хотел защитить великий могучий русский язык. Но дятел оказался более могуч, и я замолк. А блин маслянисто покатылся по всей великой Руси. И теперь его употребляют все интеллектуалы — жуут, смакуют, чмокают губами.

Нет в магазине блина. Значит, всё-таки отсталый магазин. Зато есть полки с надписями «Фишки», «Тарантинки».

Что это — не умею разгадать; тоже, видать, отстал. Но под ними красуется Мураками (мои начитанные знакомцы зовут его на наш манер — Мудаками). И сноска: «Читать модно».

Мода это вам не ода. Мода бывает даже на фурункулы.

А вот настоящий изыск: «Лучший любовный роман». Обратите внимание — «лючший». Это не ошибка двоичника, это намеренно: под обрусевших немцев или под онемевшую чухонь.

И что в этом лучшем? Здорово, гениально! Сочинение некоей Екатерины Вильмонт «Курица в полёте».

Сразу перед глазами встала ненаглядная моя коллега: она любит листать бабий журнал «Космополитен». А в том журнале (я тоже поневоле заглянул) попались «Двадцать советов, как писать книги».

Совет первый и главный: придумай себе звучный псевдоним. Чтоб ты не была какая-то Маня Репкина, а оказалась, например, Луиза Бредович.

Совет двадцатый: едва закончивши, начинай второй роман, а то читатель тебя сразу забудет. Потому что сейчас писательство — это называется «делать проект». Московские издательские монстры так бабочкам и заявляют: «Мы тебя раскрутим, но подпиши договор на проект из десяти мыльных романов за два года».

Как стали летать наши курицы! Как это просто: не надо больше мучительно вдумываться в бунинскую или лесковскую строку, безнадёжно разгадывать тайны классических текстов; надо только нанять десяток голодных студенток-литрабынь и штамповать всё, что они выцедят из своих конопатых дырочек. Лучше в диало-

гах, кухонного, самого доступного свойства.

Однако пора переходить в другой зал. Там детская литература; Остер, с невинным видом учащий детвору, как лучше плевать, и компилированный толстовский «Буратино» за сто рублей.

Мимо пробежал папа, истерически бормочащий:

— Ну, подняли цены...

Да разве сто рублей цена?

Ты, папа, глянь через перегородку: там торчат «350 самых лучших советов для секса». Всего 350 рублей — по рублю за совет.

А в «Искусстве» висится альбом «1000 шедевров живописи» за 1050 — та же цена, по рублю за шедевр.

В «Сельском хозяйстве» громоздится «Этология свиней»; свиные пятки на обложке столь розовы, что чуть не съел. Тут же «Сборник рецептов блюд и кулинарных изделий (нормативная документация для предприятий общественного питания)»; стоит 3800, весит пуд, чтоб одним ударом переплёта убить самого породистого и нерадивого повара.

Увидев, что я на обрывке папиросной пачки делаю какие-то странные записи, говорливый аристократический телефонщик заподозрил

